

Three of Them

Maksim Gorky

Трое

Максим Горький

Three of Them

Copyright © 2018 Bibliotech Press
All rights reserved

ISBN: 978-1-61895-245-5

Трое

© Пресса библиотек, 2018

ISBN: 978-1-61895-245-5

ТРОЕ

Среди лесов Керженца рассеяно много одиноких могил; в них тлеют кости старцев, людей древнего благочестия, об одном из таких старцев - Антипе - в деревнях, на Керженце, рассказывают:

Суровый характером, богатый мужик Антипа Лунёв, дожив во грехе мирском до пятидесяти лет, задумался крепко, затосковал и, бросив семью, ушёл в леса. Там, на краю крутого оврага, он срубил себе келью и жил в ней восемь лет кряду, зиму и лето, не допуская к себе никого: ни знакомых, ни родных своих. Порою люди, заблудясь в лесу, случайно выходили к его келье и видели Антипу: он молился, стоя на коленях у порога её. Был он страшный: иссох в посте и молитве и весь, как зверь, оброс волосами. Завидев человека, он поднимался на ноги и молча кланялся ему до земли. Если его спрашивали, как выйти из леса, он без слов указывал рукою дорогу, ещё кланялся человеку до земли и, уходя в свою келью, запирался в ней. За восемь лет его видели часто, но никто никогда не слышал его голоса. Жена и дети приходили к нему; он принимал от них пищу и одежду и, как всем людям, кланялся им земно, но, как всем людям, им тоже ни слова не сказал.

Умер он в год, когда разоряли скиты, и смерть его была такова:

Приехал в лес исправник с командой, и увидели они, что стоит Антипа среди кельи на коленях, безмолвно молится.

- Ты! - крикнул исправник. - Уходи! Ломать будем твоё логовище!.. - Но Антипа не слышал его.

И сколько ни кричал исправник - ни слова не ответил ему старец. Исправник велел вытащить Антипу из кельи. Но люди, видя старца, который, не замечая их, всё молился истово и неустанно, смутились пред твёрдостью его души и не послушали исправника. Тогда исправник приказал ломать келью, и осторожно, боясь ударить молящегося, они стали разбирать крышу.

Стучали над головой Антипы топоры, трещали доски, падая на землю, гулкое эхо ударов понеслось по лесу, заметались вокруг кельи птицы, встревоженные шумом, задрожала листва на деревьях. Старец молился, как бы не видя и не слыша ничего... Начали раскатывать венцы кельи, а хозяин её всё стоял неподвижно на коленях. И лишь когда откатали в сторону последние брёвна и сам исправник, подойдя к старцу, взял его за волосы, Антипа, вскинув очи в небо, тихо сказал богу:

- Господи милосливый... Прости их!

И, упав навзничь, умер.

Когда это случилось, старшему сыну Антипы, Якову, было двадцать

три года, а младшему, Терентию, - восемнадцать лет. Красавец и силач Яков, ещё будучи подростком, приобрёл в селе прозвище Бесшабашного, а ко времени смерти отца был первым кутилой и буяном во всей округе. На него все жаловались - мать, староста, соседи; его сажали в холодную, пороли розгами, били и просто так, без суда, но это не укрощало Якова, и всё теснее становилось ему жить в деревне, среди раскольников, людей хозяйственных, как кроты, суровых ко всяким новшествам, упорно охранявших заветы древнего благочестия. Яков курил табак, пил водку, одевался в немецкое платье, на молитвы и радения не ходил, а когда степенные люди увещевали его, напоминая ему об отце, он насмешливо отзывался:

- Погодите, старички почтенные, - всему мера есть. Нагрешу вдоволь покаюсь и я! А теперь - рано ещё. Батюшкой меня не корите, - он пять десятков лет грешил, а каялся - всего восемь!.. На мне грех - как на птенце пух, а вот вырастет греха, как на вороне пера, тогда, значит, молодцу пришла каяться пора...

- Еретик! - говорили про Якова Лунёва, ненавидели и боялись его. Года через два после смерти отца Яков женился. Он под корень подорвал разгульной жизнью крепкое, тридцатилетним трудом сколоченное хозяйство отца, и уже никто в родном селе не хотел выдать ему девушку в жёны. Где-то в дальней деревне он взял красавицу-сироту, а для того, чтоб сыграть свадьбу, продал отцов пчельник. Его брат Терентий, робкий, молчаливый горбун с длинными руками, не мешал ему жить; мать, хвора, лежала на печи и оттуда говорила ему зловещим, хриплым голосом:

- Окаянный!.. Пожалей свою душеньку!.. Опомнись!..

- Не беспокойтесь, маменька! - отвечал Яков. - Отец за меня перед богом заступится...

Сначала, почти целый год, Яков жил с женою мирно и тихо, даже начал работать, а потом опять закутил и, на целые месяцы исчезая из дома, возвращался к жене избитый, оборванный, голодный... Умерла мать Якова; на поминках по ней пьяный Яков изувечил старосту, давнего своего врага, и за это был посажен в арестантские роты. Отсидев срок, он снова явился в деревню, бритоголовый, угрюмый и злой. Деревня всё более ненавидела его, перенося свою ненависть и на семью Якова, а особенно на безобидного горбуна Терентия, - он с малых лет служил посмешищем для девок и парней. Якова звали арестантом и разбойником, Терентия - уродом и колдуном. Терентий молчал в ответ на ругань и насмешки, Яков же открыто грозил всем:

- Ладно! Погодите!.. Я вам покажу!

Ему было около сорока лет, когда в деревне случился пожар; он был обвинён в поджоге и сослан в Сибирь.

На руках Терентия осталась жена Якова, помешавшаяся в уме во время

пожара, и сын его Илья, десятилетний мальчик, крепкий, черноглазый, серьёзный... Когда этот мальчик появлялся на улице, ребяташки гонялись за ним и бросали в него камнями, а большие, видя его, говорили:

- У, деймонёнок! Каторжное семя!.. Чтоб те сдохнуть!..

Неспособный к работе, Терентий до пожара торговал дёгтем, нитками, иглами и всякой мелочью, но огонь, истребивший половину деревни, уничтожил избу Лунёвых и весь товар Терентия, так что после пожара у Лунёвых осталась только лошадь да сорок три рубля денег - и больше ничего. Видя, что в деревне нельзя и нечем жить, Терентий сдал жену брата на попечение бобылке за полтинник в месяц, купил старенькую телегу, посадил в неё племянника и решил ехать в губернский город, надеясь, что там ему поможет жить дальний родственник Лунёвых Петруха Филимонов, буфетчик в трактире.

Выехал Терентий из родного пепелища ночью, тихо, как вор. Правил он лошадью и всё оглядывался назад большими, точно у телёнка, чёрными глазами. Лошадь шла шагом, телегу потряхивало, и скоро Илья, зарывшись в сено, уснул крепким сном ребёнка...

Проснулся он среди ночи от какого-то жуткого и странного звука, похожего на волчий вой. Ночь была светлая, телега стояла у опушки леса, около неё лошадь, фыркая, щипала траву, покрытую росой. Большая сосна выдвинулась далеко в поле и стояла одинокая, точно её выгнали из леса. Зоркие глаза мальчика беспокойно искали дядю, в тишине ночи отчётливо звучали глухие и редкие удары копыт лошади по земле, тяжёлыми вздохами разносилось её фыркание, и уныло плавал непонятный дрожащий звук, пугая Илью.

- Дя-дя! - тихо позвал он.

- Ась? - торопливо отозвался Терентий, и вой вдруг замер.

- Ты где?

- Тут... Спи, знай...

Илья увидал, что дядя, чёрный и похожий на пень, вывороченный из земли, сидит у опушки леса на холме.

- Я боюсь, - сказал мальчик.

- Чего бояться?.. Одни мы...

- Кто-то воет...

- Приснилось тебе...

- Ей-богу, воет...

- Ну - волк это... Он - далеко... Спи...

Но Илье не спалось. Было жутко от тишины, а в ушах всё дрожал этот жалобный звук. Он пристально оглядел местность и увидал, что дядя смотрит туда, где, над горой, далеко среди леса, стоит пятиглавая белая церковь, а над нею ярко сияет большая, круглая луна. Илья узнал, что это

ромодановская церковь, в двух верстах от неё, среди леса, над оврагом, стоит их деревня Китежная.

- Недалеко мы уехали, - сказал он задумчиво.

- Что? - спросил дядя.

- Дальше бы уехать, говорю... Ещё придет кто-нибудь оттуда...

Илья неприязненно кивнул головой по направлению к деревне.

- Уедем, погоди! - молвил дядя.

Снова стало тихо. Илья, облокотясь на передок телеги, тоже стал смотреть туда, куда дядя смотрел. Деревню было не видно в густой, чёрной тьме леса, но ему казалось, что он видит её, со всеми избами и людьми, со старой ветлой у колодца, среди улицы. У корней ветлы лежит отец его, связанный веревкой, в изорванной рубаше; руки у него прикручены за спину, голая грудь выпятилась вперёд, а голова будто приросла к стволу ветлы. Лежит он неподвижно, как убитый, и страшными глазами смотрит на мужиков. Их много, все они кричат, ругаются. От этого воспоминания мальчику сделалось скучно и у него начало щипать в горле. Он почувствовал, что заплачет сейчас, но ему не хотелось тревожить дядю, и он сдерживался, всё плотнее сжимая своё маленькое тельце...

Вдруг снова в воздухе раздался тихий вой. Сначала кто-то тяжело вздохнул, всхлипнул и потом нестерпимо жалобно заныл:

- О-о-у-о-о!..

Мальчик вздрогнул от страха и замер. А звук всё дрожал и рос в своей силе.

- Дядя! Это ты воешь?.. - крикнул Илья.

Терентий не ответил, не пошевелился. Тогда мальчик спрыгнул с телеги, подбежал к дяде, упал ему на ноги, вцепился в них и тоже зарыдал. Сквозь рыдания он слышал голос дяди:

- Выжили нас... Го-спо-ди! Куда пойдём... а?

А мальчик, захлёбываясь слезами, говорил:

- Погоди... вырасту большой... я им задам!..

Наплакавшись, он стал дремать. Дядя взял его на руки, снёс в телегу, а сам опять ушёл прочь и снова завыл протяжно, жалобно, как маленькая собака.

Помнил Илья, как он приехал в город. Проснулся он рано утром и увидел перед собою широкую, мутную реку, а за нею, на высокой горе, кучу домов с красными и зелёными крышами и густые сады. Дома поднимались по горе густую, красивой толпой всё выше, на самом гребне горы они вытянулись в ровную линию и гордо смотрели оттуда через реку. Золотые кресты и главы церквей поднимались над крышами, уходя глубоко в небо. Только что взошло солнце; косые его лучи отражались в окнах домов, и весь город горел яркими красками, сиял золотом.